

Резниченко Е.Б. Плачевая культура Онежского берега Белого моря в записях XIX–XX вв. // Второй Всероссийский конгресс фольклористов: Сборник докладов (в печати).

Русская свадьба: В 2 т. М., 2000. Т. 1.

Свадебные песни 1984: Альбом грампластинок «Свадебные песни Летнего берега Белого моря» (Из собрания Фонограммархива Пушкинского Дома). Л., 1984.

К.К. Логинов

РЫБОЛОВСТВО ПОМОРСКОГО СЕЛА НЮХЧА

Научные заслуги Татьяны Александровны Бернштам в исследовании традиционно-бытовой культуры русских велики. Среди трудов отечественных этнографов последних десятилетий ее научные деяния можно уподобить блеску звезды первой величины. В частности, нет ей равных в изучении культуры русских поморов. Достаточно указать на две ее монографии: «Поморы: Формирование группы и система хозяйства» [Бернштам 1978] и «Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в.» [Бернштам 1983], на значительную по объему статью, посвященную исследованию рыболовных орудий русских поморов [Бернштам 1972].

При создании обобщающих трудов по традиционной культуре поморов и, в частности, поморскому рыболовству Татьяне Александровне и ее предшественникам [Брейфус 1913, Никольский 1927 и др.] приходилось порой жертвовать некоторыми конкретными фактами из этнографии, касающимися узколокальных традиций поморских селений. Традициям морского рыболовства поморского села Нюхча и посвящена и наша статья. Пресноводное рыболовство нюхчан и многие другие интересные этнографические факты, так или иначе связанные с рыболовством, будут описаны когда-нибудь позже.

Особенность ведения традиционного поморского хозяйства состояла в том, что занятие земледелием на побережье Белого моря играло незначительную роль. Хозяйство поморов базировалось на высокотоварных морских рыбных и звериных промыслах, реализация продукции которых осуществлялась поморами самостоятельно на зарубежном (Норве-

гия и Швеция) и внутреннем рынках (обе столицы, Архангельск, Каргополь, Шуньга, Петрозаводск, Пудож и т.д.). Благодаря этому поморы выделялись в массе своей зажиточностью среди всего населения Русского Севера. Заслуга в создании такой системы хозяйствования полностью принадлежит предкам современных поморов [Косменко 2009, Амелина 2009], поскольку в предшествующие исторические эпохи только населению периода неолита удалось в какой-то мере освоить приемы лова и охоты на морского зверя в Белом море [Лобанова 2009].

Утверждение В.П. Никольского о том, что земледелие на Карельском берегу Белого моря никогда не поднималось севернее с. Поньгома [Никольский 1927: 53], ставится в наше время под сомнение [Логинов 2008: 173], но в общем и целом правильно отражает положение дел в XIX — начале XX в. Не велись полноценные земледельческие работы поморами и много восточнее, на Поморском берегу — вплоть до села Нюхча.

Относительно Нюхчи специалистам известно, что ее жители возделывали все зерновые (кроме гречихи) и технические (включая лен и коноплю) культуры, характерные даже для южной Карелии. На исходе XX и в начале XXI в. нюхчане вполне овладели и некоторыми навыками садоводства. В приезд автора в это село в 2005 г. Л.М. Кичигина, одна из наших информантов, на своем приусадебном хозяйстве не только получила прекрасный урожай яблок, но и собрала семь ведер спелой сливы и пять ведер вишни.

Специфика села Нюхчи как поселения, участвовавшего в поморских промыслах, состояла в том, что практически все ее хозяйства относились к «мурманщикам», специализировавшимся на морском промысле трески в Баренцевом море в районе Мурмана. На зимний промысел тюленей, моржей и морских котиков в горло Белого моря и на Новую землю мало кто ездил. Морского зверя (белуху и тюленя) жители Нюхчи обычно промышляли в Белом море неподалеку от родных берегов¹. Тогда как, например, среди населения Кандалакшского залива, сел Гридино

---

¹ Нюхчане добывали синюю и белую белуху (*белугу*), а также тюленей белужьими и тюленьими сетями с ячеей 100×100 мм и более. «Зверобойка» — добыча этих животных с помощью выстрелов из карабинов — тоже использовалась. Промысел вели у островов Кутульда, Перкуды и других в 40 км от Нюхчи. В настоящее время там сохраняются становья только коллежских зверобоев. Продукция почти целиком реализовывалась на рынке. В далеком прошлом, когда белух из ружей еще не отстреливали, при лове сельди поморы использовали помощь белух, небольшие стада которых гнали рыбу в ловушки во время прилива и отлива [НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 6, д. 679, л. 31–32, 55]. В наши дни, когда промысел белухи практически прекращен, эти морские животные вновь начинают подпускать к себе людей в лодках на очень близкое расстояние.

и Калгалакши, примерно половина промысловиков была морскими рыбаками, а половина — зверобоями [Логинов 2008: 175].

По мнению жителей села Нюхча, примерно то же соотношение между морскими рыбаками и зверобоями наблюдалось и в соседнем с ними селе Колежме [НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 6, д. 679, л. 32]. Среди традиционных ценностей жителей Нюхчи рыба занимала столь важное место, что местные поморы разговлялись после Великого поста треской, приготовленной на коровьем масле (иногда на жире, вытопленном из печени трески или сайки) [Там же. Д. 781, л. 17]. При переходе в новый дом они несли с собой пирог — рыбник, а не только каравай ржаного хлеба [Там же. Д. 679, л. 6–6 а]. Свежевыловленную рыбу из старого дома, когда в новый дом уходили всем семейством, переносили тоже в день новоселья, чтобы домовые духи-хозяева не лишили хозяев удачи в рыбном промысле. Обидным прозвищем для жителей Нюхчи со стороны соседей-поморов было «*трескоеды нюхотские*». Сами нюхчане тоже понимали, что образ их жизни, быта и местный говор отличны не только от далеких заонежан (*шунгарей*) или выгозеров, но и от других жителей Поморья. По этому поводу еще и в наши дни они любят повторять: «Нюхчане — те же англичане, только наречие не то».

Прежде всего следует отметить, что большую часть рыбаков села Нюхчи составляли «мурманщики». В конце XIX — первой трети XX в., как утверждают информанты, «поморов кормил Баренц, а не Белое море» [Там же. Л. 53]. Тем не менее много рыбаков ловили рыбу и в Белом море. Морским было рыболовство не только в Белом и Баренцевом морях, но и на приливах и отливах в приустье реки Нюхчи, Ругорек и более мелких речушек справа и слева от впадения Нюхчи в море. Морское рыболовство, лов белухи и тюленей были целиком товарными промыслами, лишь доли процента этой продукции поступали на личное потребление.

Породы рыб, добываемых в XX в. на морских промыслах, были следующими: треска (*пеструха* и *синюха*), пикша, палтус¹, зубатка (*песчанка*, *синюха*, *пеструха*), скат², сайра, мойва, сельдь обычная (*селедка*), сельдь беломорка, камбала (*белая* или *песчанка* и *пеструха*), навага, корюшка морская (*корех чернокорый*, *подходный* и *белый*), сайка, морской окунь, бычок или морской черт (*керчак*), бельдюга, морской налим³, песчанка,

¹ Различали *белокорого* палтуса и палтуса с бело-черной спинкой. Во второй половине XX в. поморы стали добывать также *норвежского палтуса*.

² В соленом виде шел в пищу только в годы Великой Отечественной войны, обычно же в советский период отправлялся на зверофермы вместе с разной мелкой рыбешкой.

³ Длина морского налима не превышала 35–40 см.

минога, семга¹, кумжа [Там же. Л. 5–6, 21, 31, 34, 36, 43, 52; Д. 680, л. 5, 7, 35; Д. 781, л. 16–17]. Для лова хищных промысловых рыб морскими ярусами добывали также мелких пресноводных рыб салаку (*salaqu*), верховодку (*маймуху*), песчанку² [Там же. Д. 679, л. 53; Д. 781. л. 2]. Не брезговали для этих целей и пинангаром (*пинегором*)³. В качестве наживки поморы применяли и морского червя. Его выкапывали лопатой в мягком грунте (*няше*) у устья Нюхчи, а при лове в районе Унежмы выискивали под камнями, и называлось это действие «*червя воротить*».

Промысловый календарь прекрасно описан Т.А. Бернштам для Поморья в целом. Но конкретный промысловый календарь села Нюхчи теряется в массе общепоморских сведений. Календарь этот тоже делился на два основных цикла: весенне-летний и осенне-зимний. Но с учетом разницы в замерзании и вскрытии моря, реки Нюхчи и ближайших к селу пресноводных водоемов нюхчане имели возможность ловить рыбу круглый год — было бы желание.

Весенне-летний период. По нашим данным, «мурманшики» из Нюхчи при благоприятных погодных обстоятельствах⁴ отправлялась в Баренцево море с Благовещенья (7.07 н.ст.), а поэтому прибывали на Мурман одними из первых среди поморов [Там же. Д. 679, л. 7, 43; д. 680, л. 15–16]. Лов они прекращали в *межень* (вторая половина июня — первая половина июля), когда вода в морях зацветала и в ней плавали одни медузы. «Меженный» период «мурманшики» использовали, чтобы завершить обработку рыбы, сдать ее перекупщикам, часть улова доставить домой и немного передохнуть. Те рыбаки, что оставались для лова в Белом море, в апреле смолили суда, в начале мая участвовали в земельных работах, а в старину с Егория весеннего (6.05 н.ст.) отправлялись в Кандалакшскую губу Белого моря для участия в «егорьевском» неводном промысле сельди. Промысел этот продолжался две-три недели. С начала XX в. нюхчане почти забросили лов в Кандалакшской губе, предпочитая ему промысел на Мурмане и лов у родных берегов.

Сезон открывался ловом сельди, который начинали с Николина дня (22.05 н.ст.), длился он всего неделю. Сельдь в третьей декаде мая дви-

¹ Семга ловилась в море, в реке Нюхче попадалась в качестве прилова.

² Мелкая рыбка, вроде малой ряпушки, с зеленоватого цвета чешуей, под цвет дна моря.

³ Хрящевинная рыба с желеобразным телом и тупой мордой. Она попадалась иногда на якорь кошку вместе с морской водорослью ламинарией.

⁴ Если же в Благовещенье дул холодный северный ветер-поморник, то не только в море не выходили, но отъезжали в Шуньгу с рыбой на санях. Считалось, что реки и ручьи не вскроются, а зимняя дорога продержится еще минимум две недели.

галась вдоль всех южных берегов Белого моря плотными косяками, искать ее в море особо не требовалось. Если наиболее удачным днем для отъезда на промысел считались православные праздники (в которые рыбаки как бы попадали под покровительство конкретного святого), то наилучшим днем недели для начала собственно рыбного промысла в Нюхче считалась ночь с пятницы на субботу [Там же. Л. 28]. Субботу называли *благословенный день*, а в воскресенье (оно всегда считалось праздником) никакого нового дела никогда вообще не начинали.

В конце мая — первой половине июня нюхчане ловили семгу (*залетку*), двигавшуюся вдоль берегов, камбалу, морского кореха первого хода и разную другую рыбу в море морскими мережами, пока не наступал меженный период. В меженный период рыбу ловили только в приустьевой части Нюхчи неводами, исключительно для собственного потребления [Там же. Л. 34–35]. Около Петрова дня (12.07 н.ст.) в некоторые годы случались заходы сельди в устье Нюхчи и Ругареки, когда ее ловили в течение одной-двух мережными дворами. С Петрова дня (12.07 н.ст.) по Ильин день (2.08 н.ст.) ловилась мелкая семга (*межень*). В тот же период специальными сетями ловили белух и нерп.

Осенне-зимний период. С Успенья (21.09 н.ст.) нюхчане снова отправлялись на Мурман. В Белом море промысловики тоже начинали лов. Промышляли морского кореха второго хода, а также мелкую камбалу, величиной с ладошку. При большой воде ее выносило от берегов в море, а при малой рыба закапывалась в грунт, но все равно хоть неделю, но камбала хорошо ловилась (до Покрова). С Покрова (14.10 н.ст.), с первым снегом, начинался лов самой крупной семги (третьего хода — *залом*) в реке Нюхче. Тем не менее считалось, что осенью (до ноября) толкового лова нет. В совхозе в это время рыбакам давали отпуск. В старину хозяева занимались изготовлением и починкой снастей. К Николе зимнему (19.12 н.ст.) «мурманщички» возвращались с уловом из Баренцева моря, а с ледоставом в Белом море начинался подледный лов разной рыбы неводами и мережами, лов на удочку наваги и т.д. Зимний лов продолжался до марта [Там же. Л. 35–36].

Места промысла, будь они на Мурмане или в Белом море (некоторое исключение являл собой в отношении сельдяного промысла Кандакшский залив, в котором сельдь ловилась в любом месте), издавна были поделены между всеми поморами. Поблизости от мест интенсивного лова, на берегу или островах, обязательно имелись становища, в которых чужаки останавливаться надолго не имели права. Собственно места промысла (рыбацкие тони) поморы знали наперечет. Заранее с помощью жребия, вытащенного из шапки, каждый год или даже сезон

определяли, какому хозяйству или какой артели достанется конкретная неводная, сетная или мережная тоня у острова, мыса, каменистой луды и т.д. [НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 6, д. 679, л. 14; д. 680, л. 34]. При лове подледным неводом могли распределять порядок забросов невода (кто тянет невод первым, кто — вторым и т.д.). Опоздавшие к жеребьевке вынуждены были пользоваться *ошурками* — не слишком удачными местами лова.

Перед промыслом «мурманщики» группировались в артели. Главой артели становился «*коришик*» — обычно владелец поморской «шняки». Часть нюхчан нанималась в работники к местным капитанам поморских «ботов». Шняка несла один прямоугольный парус, против ветра могла передвигаться на трех парах весел, управлялась навесным рулем (*румпе-лем, правилкой*), сделанным из покупного дуба. Она имела низкие борта, что было очень удобно при лове рыбы ярусной снастью. Боты представляли собой более надежное морское судно с парусом и двумя парами весел восьмиметровой длины, с каждым из которых управлялись двое человек. Бот имел в длину 15 м, так что внутри его располагалось целых три кубрика и два отсека для рыбы и балласта. Бот брал в плаванье балласт, что повышало устойчивость судна на волне. С 1920–1930-х годов боты стали моторными судами. Каждый бот тащил за собой на чалке еще один, два или даже три поморских карбаса, ловить с которых было удобнее, чем с бота. Каждая шняка или бот располагали неводом, несколькими сетями, продольниками, а также набором средств индивидуального лова по числу промысловиков.

Уда тресковая [НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 6, д. 679, л. 7, 15] представляла собой оловянную блесну в форме мойвы с восьмисантиметровым крючком на бечеве, толщиной с мизинец. На эту снасть прекрасно ловилась также пикша, клевали скаты (их в старину выбрасывали в море). Треску и пикшу убивали ударом по голове деревянной колотушкой (*ляпа*). В послевоенные годы уду стала вытеснять *махавка* — снасть из короткого удилища на такой же толщины бечеве, заканчивающаяся свинцовым грузилом, имеющим дополнительно от трех до пяти лесковых поводка (*поршня*) с большими крючками, насаженными морским червем [Там же. Л. 20]. Уловистость ее намного выше, чем у традиционной уды. При обнаружении плотного косяка трески могли ловить на поддев (без блесны и наживки) с помощью веревки и тяжелого свинцового грузила с одним или двумя-тремя крючками 8-сантиметровой длины с 2-сантиметровым загибом [Там же. Л. 52].

На переметы (*ярусы*) «мурманщики» ловить начинали, как только освобождались ото льда устья рек и появлялась возможность наловить неводами песчанки или мойвы для наживки ярусных крючков. Неводами

ловили (*неводили, калезили*) также и при обнаружении больших косяков трески, пикши, наваги, и лов этот в Баренцевом море несколько отличался от лова неводами в Белом море (см. ниже). Дешевле и проще было ловить на недорогие в оснастке ярусы [НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 6, д. 681, л. 2]. Первым делом ставили тяжелый якорь (*мертвяк*) с бум. Дрейфовали по ветру и разматывали веревку, поводки меж собой не спутывались, не цеплялись крючками. На эти снасти рыбы попадалось много.

При ловле с ботов даже самый большой улов не представлял опасности. При угрожающем волнении, чтобы сохранить плавучесть судна, за борт сбрасывали балласт из камней, нагруженных еще в Нюхче. При ловле с карбаса этой возможности не было. Когда волны начинали угрожающе плясать, а карбас низко проседал от улова, за борт приходилось бросать только что пойманную рыбу [Там же. Л. 5]. В бурю молились о спасении св. Николаю, первоапостолю Петру или же угоднику, чье имя и ладанку носили на груди. И ныне еще люди говорят: «Кто на море не бывал, тот от души Богу не маливался».

Работа по насаживанию наживки на крючки, разборка поводков, сворачивание хребтины яруса в тюки и закрепление в них крючков с помощью веревочных петель (чтобы не цеплялись друг за дружку) ложилась на *береговых зуйков*, которые ее выполняли ночью, пока взрослые рыбаки спали. Они же готовили утренний чай рыбакам. При хорошей погоде непрерывный лов продолжался по две и три недели подряд, когда люди даже помыться в бане не успевали. Работа для малолетних зуйков была столь утомительной, что они нередко выходили на берег *насвистывать моряну*. Верили, что северный ветер нагонит бурю, во время которой они смогут отдохнуть и отоспаться [Там же. Л. 4].

Мальчиков-сирот в береговые зуйки брали с семи лет, мальчиков из полных семей — с девяти. Юнгами (*судовыми зуйками*) мальчики работали уже с десяти-двенадцати лет. Впервые девушек в качестве зуйков нюхчане стали принимать на суда, по нашим данным, во время Гражданской войны, когда большинство мужчин поморов были мобилизованы в Белую и Красную армию [НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 6, д. 679, л. 27, 28]. В массовом масштабе девочки-подростки и девушки на морском рыбном промысле стали трудиться в годы Великой Отечественной войны [Там же. Л. 5–6]. С целью интенсификации труда на мурманских промыслах нюхотский рыбколхоз начал применять труд специальных работниц. Женщины в *факториях* чистили (*шкерили*) рыбу уже не старинным ножом (*камбалкой*), заточенным с одной стороны, а шведскими обоюдоострыми шкерочными ножами. Они отрезали рыбам головы и сбрасывали последние под причал (*брюгу*) [Там же. Л. 21]. Слова

«фактория», «шкерить» и «брюга» — это явные заимствования (два из них — германизмы¹).

В войну же поморы оставили старинную практику предварительной просолки рыбы в деревянных корытах. Забив в землю колы и натянув на них парусину, стали делать огромные, до 38 т емкости (*чань*), в которых рыбу просаливали, прежде чем переложить в бочки и укупорить. Девушки и женщины, поневоле ставшие профессиональными рыбачками (минимальными навыками, достаточными, чтобы поймать на уху, обладали все женщины села Нюхчи), очень неохотно после войны возвращались к работе на колхозных полях. Практически всем из них заниматься опасным трудом на море запретили их мужья [НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 6, д. 680, л. 18; д. 681, л. 5]. А ведь им приходилось не только подносить и обрабатывать рыбу, но и грести на веслах (*ходить на гребках*), ставить паруса, яруса, сети, мережи, поднимать со дна моря тяжеленные якоря и т.п.

Одним из негативных моментов участия в морском промысле детей и женщин стало появление у них привычки ругаться матом. Чертыхаться и *лишкаться* (вспоминать лешего или лембоя²) на море категорически запрещалось, а вот русский мат считался благоприятствующим лову [НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 6, д. 679, л. 28, 43]. У женщин, которые в море не ходили, употребление товарками и детьми ненормативной лексики вызывало неприятие. Говорили: «Когда женщина матом выругается, Пресвятая Богородица на своем престоле покачнется». К мужчинам это не относилось. Человека с недобрый глазом, если вслед посмотрел, мужчины, что называется, «крыли матом». При уходе на лов на уду морского кореха или наваги мужику, например, следовало посылать свою жену на три буквы, чтобы наловить никак не меньше, чем два пуда.

Но в общем и целом рыбацкие суеверия не слишком характерны для нюхчан [НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 6, д. 679, л. 36–37, 39; д. 680, л. 35]. Конечно, в старину перед отправкой на Мурман звали батюшку, чтобы обошел лодки с иконами св. Николая или Петра и благословил на промысел, покропил святой водой лодки и снасти. Коту, который перебежал дорогу перед отправкой на лов, нюхчане показывали фигу. У отъезжающих никто не спрашивал, куда они направляются, вообще никто и ничего у них не выпрашивал. Зато они сами заходили к людям доброжелательным и просили дать им чего-нибудь *с доброй руки*. Были в Нюхче старики, ко-

---

¹ Автор не имеет времени и достаточной квалификации для анализа приводимой промысловой лексики нюхчан, но в ней предостаточно упоминаний слов, заимствованных из прибалтийско-финских языков. Впрочем, работу эту вполне смогут выполнить профессиональные лексикологи.

² Лембой — лесной «народец», отличный от леших, который так и норвит стянуть что-либо оставленное без благословения.

торые без молитвы или заговора на лов не отправлялись, а завершив лов, читали «отходную» молитву (псалом 90), чтобы «снять обязательства с морских хозяев». Говорят, что и тем, кто молитв и заговоров не знал, но ловил рядом, до восхода солнца рыба тоже переставала попадать. Протаскивание сквозь невод или морскую мережу в Нюхче считалось верным средством для снятия разных мелких недомоганий от сглаза и оговора. Самую первую пойманную в сезоне рыбу нюхчане «съедали с перьем», т.е. с плавниками (а некоторые и с головой), «чтобы впредь хорошо ловилась».

На промысел у своих берегов выезжали в карбасах. С точки зрения мастеров из Нюхчи, нюхотский карбас отличался от карбасов соседнего села Колежма, «как небо от земли» [НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 6, д. 679, л. 37–38; д. 680, л. 26–27, 29]. Если у колежемского карбаса носовая кокора (*корга*) соединялись в одну линию с килевым брусом, а корма делалась прямой, будто обрезанной, то нюхотский карбас строился иначе. Носовая и кормовая корги их, вытесанные из деревьев с природным загибом, соединялись друг с другом под тупым углом. В результате нос карбаса сильно возвышался над кормой, корма получалась острой, а носовая кокора смотрела немного назад, а не прямо в небо. Благодаря такому устройству судна нюхотский карбас без труда подходил носом к каменистым отмелям, а в случае необходимости легче преодолевал пороги.

Преимущество нюхотского карбаса сказалось также и при переходе на подвесные моторы. Выступающую часть кормы (*транец*) стали несколько срезать и зашивать досками, на которые крепили подвесной мотор. Мотор нетрудно поднять в случае надобности над каменистой грядой в воде, лодка почти не тащит за собой воду. Подвесной же мотор на колежемском карбасе во многом работает впусую в воде, пузырящейся за кормой.

Общим у обоих типов карбасов является поперечный профиль бортов и днища, благодаря чему при появлении льда лодки выжимаются им из воды, а не раздавливаются. Общим у этих карбасов является и устройство уключин (чтобы случайно весло не унесло в море), наличие специальных отделений для рыбы, выше которых положены решетки (*мосточки*), что позволяет свободно перемещаться по лодке, не давя рыбу ногами. В старину карбас при попутном ветре (*вповетер*) передвигался под парусом, установленном в *среднюю бабку*, ближе к носовой банке. В безветрие в движение его приводили с помощью двух пар весел, за каждым из которых сидел один человек.

Невода в Нюхче имелись в каждом хозяйстве: с карбасов удобно было ловить именно неводами, особенно сельдь. Косяки этой рыбы приходи-

лось искать в море, высматривая, где над водой кружат стаи чаек¹. Более точно косяк рыбы нащупывался с помощью *шестика*. Называлось это *шестить рыбу*. В глубоком Баренцевом море косяки трески или пикши находили с помощью веревки и привязанного к ней свинцовой *пунды*, т.е. груза. Груз ложился на плотно идущий косяк рыб, в результате чего веревка провисала. При обнаружении косяка в Белом море основной задачей рыбаков было встать на якорь и обметать рыбу (*сделать замет*) так, чтобы косяк не повернул обратно, чтобы невод не лег на косяк сверху. Плотность косяков этой рыбы еще в Великую Отечественную войну была такова, что шестик порой не погружался в воду, оставался в вертикальном положении. В Баренцевом море при лове неводом на якорь не вставляли.

Здесь, наверное, самое место кратко описать устройство частей невода и привести их нюхотские названия [НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 6, д. 679, л. 32–34, 42; д. 681, л. 1]. Кошельковая часть морского невода именовалась *мотней*, или *матицей*. Сверху на мотне были привязаны несколько деревянных поплавок в виде плоских досок. Поплавок над заходом в мотню (*ринду*) назывался *ловдусом* и представлял собой две доски, скрепленные друг с другом под прямым углом. Крылья невода через каждые 5 м несли на себе особой формы или одинакового цвета (на правом и на левом крыле) поплавки, называемые *марками*, ориентируясь на которые рыбаки могли равномерно подтаскивать к лодке оба неводных крыла. Обычные поплавки назывались *плутивами*, *плавами*. Строго под каждым поплавком с помощью *каболки* привязывался *груз*, который представлял собой округлой формы камушек, плотно оплетенный берестой, чтобы меньше цеплялся за неровности дна и коряги. Концы крыльев с помощью двух веревочек (*саженцев*) соединяли верхнюю и нижнюю тетиву каждого крыла — с канатами (*клячами*, или *клячами*), за которые неводом обметывали косяк рыбы.

Канаты беломорских неводов, которыми ловили с лодки, встав на якорь, делались разной длины. Длинный канат именовался *голоменным* или *выезным*, а более короткий — *бережным*. Канаты неводов для лова в Баренцевом море делались одинаковой длины, но в три, четыре раза длиннее, чем у беломорских, поскольку рассчитывался такой невод на большие глубины. После того как из воды показывались концы крыльев, крылья перекрецивали и тянули за каждое крыло синхронно. При этом

---

¹ В этот период года рыбаки имели возможность попутно собирать птичьи яйца на птичьих базарах. Промысел часто был связан с риском для жизни, поскольку на недоступные с моря уступы скал сборщиков спускали на веревках. Собранные так яйца делили (дувалили) по уже описанному выше принципу. С окончанием сезона высиживания птенцов поморы занимались сбором гагачьего пуха из оставленных гнезд.

один из рыбаков начинал *калежить* (*белужить*), т.е. пугать рыбу, чтобы та стремилась назад в невод. При приближении мотни к лодке до *сливной марки* начинали *подрезать ход нижним крылом*, т.е. тянуть почти исключительно за нижнюю тетиву. Если рыбы попадало очень много, крылья невода связывали узлом позади сливной марки, чтобы рыба из мотни не смогла выйти. После этого доставали второй невод, забрасывали его в море и пытались окружить и выловить оставшуюся часть косяка сельди. Бывали случаи, когда рыба, завязанная в невод, оставалась в воде двое суток. Тогда из невода ее вычерпывали сачком, поскольку рыба залегала плотным, «как камень», пластом.

Подледный лов неводом тоже был в Поморье весьма эффективен [НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 6, д. 679, л. 33, 35, 43; д. 680, л. 23; д. 681, л. 3]. Для доставки к тоне невода и необходимого инвентаря требовалась лошадь, запряженная в рыбацкие сани (с отсеками для пойманной рыбы), в крайнем случае — рыбацкие дровни с так называемыми *кряквами*, которые не позволяли рассыпаться сложенному в дровни рыбацкому инвентарю. Люди за санями двигались обычно пешком, если требовалось переехать недалеко, сидели в санях или стояли на запятках. Чтобы запустить невод (*сделать замет*) на зимней тоне, прежде всего делали во льду большую прорубь — *ердань* — и вычерпывали из нее осколки льда. Лед пробивали пешней с деревянной ручкой (*ратовищем*), к которой двумя гвоздями (пробитыми через металлические щечки) крепилась железная рабочая часть, круглая в поперечнике, с четырехгранной заточкой на конце. По граням заточки имелись канавки для стекания воды. Лед (*шугу*) вычерпывали сачком с короткой ручкой (саковищем) и с конусовидной сеткой на круглом деревянном обруче (*овечае*). Замерзая, шуга образовывала наледь (*ропаки*).

Потом таким же образом пробивались два ряда лунок, образующих ромб и завершающихся прорубью *разгребом*. Небольшие лунки в наиболее широкой части «ромба» назывались *поворотными*. Чтобы заставить невод двигаться подо льдом, сначала в ердань запускали две жерди, именовавшиеся *норилами*. На заднем конце норила имелся сучок, направленный вперед. Здесь привязывались веревки, за которые потом можно было протягивать вперед крылья и всю снасть целиком. Норила направляли к ближайшим лункам, а далее из лунки в лунку проталкивали деревянными рогатками (*вилашами*), если надо подправляя движение норил подо льдом с помощью деревянных крючьев. Называлось это действие *заноривать невод*. После того как веревки достигали поворотных лунок, в ердань запускались крылья невода (они бывали вдвое длинней, чем у летней снасти), а затем и мотня. Вороты нюхчане не использовали, поэтому тянули невод подо льдом вручную. Когда передняя часть крыльев

невода достигала поворотных лунок, невод оказывался в воде полностью расправленным. После этого норилы прогоняли в разгреб и снова тянули снасть за веревки. Далее поступали, как и при летней ловле.

Чтобы сохранить пойманную рыбу свежей, подо льдом устраивали сетный садок, очень напоминающий морскую мережу (см. ниже), но с «чипами» на переднем и заднем концах. Рыбу засыпали в садок, оба конца садка завязывали и опускали в прорубь, где она зимой сохранялась живой до недели и более. Лов зимой в колхозное время продолжался с шести утра до восьми вечера.

Весьма уловистыми в условиях Белого моря были ставные сети. Изготавливали их сами [НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 6, д. 679, л. 22, 23, 25, 52]. Размер ячеи при вязании сетей предопределялся шириной сетевязной палочки (*пoлички*), сама сеть вязалась рыбацкой иглой (*иглицей, клецицей*). Верхнюю тетиву с сетным полотном к верхней тетиве (*верхнице*) подвешивали на нитках в виде фестона, причем два верхних ряда полотна (*пояс*) вязывали толщиной в две нити. Поплавки из бересты на морских сетях назывались *балберами*, каменные грузы (*слуды*) из плитняка (теперь применяют железные кольца) привязывали к нижней тетиве (*нижнице*) веревочками (*юзинами*). Обычные морские сети имели в длину по 70–100 м, а чтобы вернее преградить пути рыбе в море, их связывали по 2–4 и более штук одна с другой с помощью *саженцев*, представлявших собой продолжение верхней и нижней тетивы. В море сети устанавливали при помощи системы поплавок и каменных якорей. Такие связки сетей в нужных случаях направляли под острым углом к берегу или же ставили зигзагом.

Сети *сельдянки* были короткими, не более 10–12 м. В сельдянки рыбы набивалось порою столько, что применение излишней напористости при их поднятии приводило к обрыву сетного полотна. После этого рыбаки в лодку поднимали лишь верхнюю и нижнюю тетивы. Уловистость сетей очень зависела от высоты воды в прибрежной части, а высота воды — от господствующего направления ветра. Самый высокий уровень воды именовался *полной водой*, средний — *куйводой*, самый низкий — *куйпогой* [Там же. Л. 26].

Полную воду давал северный ветер (*моряна*). Он же и нагонял рыбу в сети. При северном и северо-западном (*пабережнике*) ветре уловы были хорошими и средними. Неустойчивый юго-западный ветер (*шелонник*) и южный (*горний*)¹ редко когда приносил хорошие уловы, так как уровень воды оставался средним. Самыми плохими ветрами для рыбаков были восточный ветер (*сток*), северо-восточный (*полнощник*) и юго-

¹ Он дул со стороны Ветреного пояса.

восточный (*обеденник*). Они несли с собой сырость и холод и приводили к самому низкому уровню воды у нюхотских берегов. Говорили: «Задует сток, рыбу из котла выживет». До настоящего времени у жителей Нюхчи сохранились представления о духах-хозяевах ветров. Они утверждают, что северному ветру не повезло с женой. Она не только некрасива, но и сварлива. Выгоняет мужа из дома, вот он свирепствует на море по две недели, пока жена домой не пустит. У Шелонника, наоборот, жена красива и приветлива. Поэтому он «в море никогда не ночует» [Там же. Л. 44]

Когда косяки сельди заходили в устья Нюхчи или других рек, рыбу ловили сетями или мережами без крыльев [Там же. Л. 53]. От правого и левого берегов навстречу друг другу устанавливали две мережи, соединенные сетной стенкой, образующей замкнутый прямоугольник (*обод*). В отлив, когда рыба двигалась со стороны моря (косяк движется всегда против течения), одну стенку обода раскрывали навстречу рыбе. Как только «обод» заполнялся сельдью, рыбу начинали *белужить* (см. выше) с лодок. Той не оставалось ничего иного, как направляться в мережи.

Сетями зимой ловили мало. Для их установки под лед пробивали пешнями небольшую ердань, прямую цепочку маленьких лунок, по которым *заноривали сеть*. Поперек ердани и последней лунки клали небольшие палочки (батожки), к которым привязывали верхние *саженцы* (см. выше). При проверке к одному из саженцев привязывали веревку, за другой конец выбирали сеть, а после проверки (*похожания*) возвращали сеть на место за эту веревку.

В море и приустьевых участках рек ловили также мережами диаметром до 3 м, снабженными двумя крыльями и разделительной стенкой (*убегом*), которая направляла рыбу в рыбацкую снасть [Там же. Л. 20, 23–24, 32, 42]. Сама снасть представляла собой сетную ловушку, растянутую на 10 ивовых кольцах (*лучках*), заканчивающуюся конусовидным сужением (*чипом*, или *чипой*). Часть ловушки от чипа до захода в мережу (*разъезд*) называлась *бочкой*, а часть между тремя кольцами — *межеумком*. Внутри межеумка с помощью ниток (*тоньков*) крепился конусообразный *язык*, пройдя который рыба уже не могла найти обратный выход.

В море мережа укреплялась в твердое дно (*кечкару*) или в мягкое дно (няшу) на трех пятиметровых березовых кольях: по одному на крыло, один для привязывания чипы с помощью веревок (*голтянов*). Колы забивались деревянной колотушкой (*капом*). Угол между крыльями часто не превышал 30–35 градусов (особенно зимой), поскольку снасть могла быть сорвана (*оплавлена*) сильным морским течением, если оно совпадало с приливом или отливом. Если мережу ставили с помощью трех якорей и веревок, то над разъездом обязательно плавал *ловзин* — поплавок,

по которому находили хозяев мережи, когда ее срывало с установленного места. В старину на ловзине вырезались инициалы владельца, в советское время — номер рыбацкой бригады. Улов из мережи доставали через чипку, стягиваемую в узел веревочкой, продетой в две дырки в деревянной клавише (*кобылке*). На поверхность чипу поднимали за веревку (*галтян*), привязанную одним концом к заднему концу чипы, другим — к плавающему на поверхности небольшому поплавку в виде плашки.

Установка мережи под лед требовала прорубания во льду проруби (*ердани*) длиной в размер снасти, нескольких малых *крыловых лунок* для растягивания крыльев, а также небольшой *чиповой проруби*, через которую чипу поднимали на лед, чтобы достать из нее улов. Веревку (*походню*), за которую потом растягивали крылья мережи, прогоняли подо льдом с помощью норила. Растянув крылья, к их концам привязывали веревочную петлю, сквозь нее в дно забивали жердь с сучком на конце (направленным вниз), продевали сквозь нее небольшую палку (*поперечку*), чтобы жердь течением не утащило под лед. Лунка с жердью именовалась *концевой лункой*. Ердань и лунки зимой замерзали, при проверке снасти лед приходилось пробивать только в чиповой проруби.

Сугубо зимними промысловыми снастями в Нюхче были зимние удочки: *наважья* и *корюховая уда* [НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 6, д. 679, л. 20–21; д. 680, л. 27; д. 723, л. 1–5]. Снасти были во многом схожи. Они имели можжевельное удилище, короткую лесу (*наважья уда* — чуть более метра, *корюховая уда* — 1,5 м), поперечное *коромысло* в виде палочки 15-сантиметровой длины на конце лесы. У *корюховой уды* коромыслом мог быть треугольный кусок жести, в нижние три отверстия которого продевалось три поводка (*поришня*) с крючками, изготовленными из булавок. На *наважьей уде* вместо поводков имелись две-три петли.

Корюховой удой ловили *на подцеп* весной во время возвратных холодов в Нюхче, когда с моря массово заходил (первым ходом) морской корюх метать икру в реку. Лов на *наважью уду* требовал заблаговременной заготовки морского червя, которого сохраняли в каких-нибудь емкостях в подпольях. Лов начинался в последней декаде декабря и прекращался перед Новым годом. На лов отправлялись даже старухи. Шли с рыбацкими санками (*кережами*), в которых везли пешню, сак и пару удочек. Иногда на лыжах, а *кережу* тащили за собой на веревке. Сделав лунку, привязывали морского червя (*мясце*) в петли, забрасывали снасть и ожидали движения приливной или отливной воды. Для защиты от ветра из куска материи, пешни и двух палочек устраивали ветровой заслон, внутри которого сидели на кормовой банке *кережи*. Лучшая *навага*, с икрой, ловилась в декабре. Малоимущие поморы ее заготавливали засолкой на

год вперед для личного потребления, да и свежая навага находила прекрасный сбыт в Поморье. Старики шутили: «Пойти, что ли, на сарафан дочке сегодня наловить?»

В любой, даже самый активный клев поспешать надо было не торопясь. В Нюхче говорят, что ловить надо *по-шурам*. Рыб, которые с жадностью ухватывали червя, плавно вынимают из воды, после чего стряхивают в кережу. Многие рыбаки ловят сразу на две удочки. Поэтому пару пудов за день мог наловить каждый, у кого хватало терпения высидеть столько времени на ветру и морозе. Промысел этот, начавший было угасать в 1960-х годах, в конце XX — начале XXI в. испытывает возрождение в связи с экономическими трудностями, переживаемыми россиянами.

Совместно добытый улов, какими бы снастями ни ловили рыбу, делили (*дуванили*) согласно обычному праву, по долям. Владельцы судов и дорогих снастей могли получать несколько долей. Рядовые рыбаки и зуйки, вне зависимости от их удачливости на промысле, получали равные доли. Долями в каких-то случаях могли быть кучки рыбы, в других — определенное число бочек уже засоленной рыбы или полный сак мелкой рыбешки. Но процедура всегда оставалась одной и той же для лиц с равными долями: один из членов артели отворачивался, а любой из артельщиков вопрошал: «Кому?» В ответ могло звучать: «Зуйку», а могло быть названо и имя конкретного артельщика [Там же. Л. 14–15]. Традицию эту нюхчане сохраняют и поныне, если требуется разделить собранные грибы, ягоды, птичьи яйца и т.п.

На этом описание морского рыбного промысла поморского села Нюхча можно завершить. Статью вряд ли можно отнести разряду научных исследовательских работ. В ней нет ничего, о чем хотя бы вскользь ни говорила Татьяна Александровна Бернштам или чего она не знала. И все же подобная статья имеет право быть опубликованной: она содержит этнографический материал, имеющий отношение именно к поморскому селу Нюхча, а не к усредненной обобщающим исследованием культуре русских поморов в целом.

Библиография

Амелина Т.П. Вопросы хозяйственно-культурной адаптации населения Карелии в эпоху Средневековья и Нового времени // Адаптация населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита — средневековья. Гуманитарные исследования. Петрозаводск, 2009. Вып. 4. С. 169–191.

Бернштам Т.А. Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978.

Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в.: Этнографические очерки. Л., 1983.

Бернштам Т.А. Рыболовство на Русском Севере во второй половине XIX — первой трети XX в. (по коллекциям и архивным материалам этнографических музеев Ленинграда) // Из культурного наследия народов России: Сборник МАЭ. Т. XXVIII. Л., 1972. С. 62–98.

Брейфус Л.Л. Рыбный промысел русских поморов в Северном Ледовитом океане: его прошлое и настоящее // Материалы к познанию русского рыболовства. СПб., 1913. Т. 2, вып. 1. С. 89–134.

Косменко М.Г. Экологическая и культурная адаптация охотников-рыболов бронзового, железного веков и морских промысловиков эпохи Средневековья в Карелии // Адаптация населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита — средневековья. Гуманитарные исследования. Петрозаводск, 2009. Вып. 4. С. 135–168.

Лобанова Н.В. Адаптационные процессы в культуре населения Карелии эпохи неолита // Адаптация населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита — средневековья. Гуманитарные исследования. Петрозаводск, 2009. Вып. 4. С. 44–68.

Логинов К.К. Историко-этнографические особенности поморского села Гридино: прошлое и современность // Скальные ландшафты Карельского побережья Белого моря: природные особенности, хозяйственное освоение, меры по сохранению. Петрозаводск, 2008. С. 168–190.

Никольский В.П. Быт и промыслы населения Западного побережья Белого моря (Сорока — Кандакша). По материалам исследования летом 1921 года. М., 1927.

Йенс Петтер Нильсен

**«ПРОЩАЙ, БАТЮШКА ТЫ ГРУМАНТ!»
ЗВЕРОВОЙНЫЕ ПРОМЫСЛЫ ПОМОРОВ И НОРВЕЖЦЕВ
НА ШПИЦБЕРГЕНЕ. СОПОСТАВЛЕНИЕ ТРАДИЦИЙ**

Т.А. Бернштам в своих книгах, посвященных поморской культуре, много внимания уделила промыслу морского зверя. Она писала не только о промысле на Белом море — на Терском и Зимнем берегах, но также к северу и востоку от них — в Мезенском заливе (о так называемых Устьинских промыслах) и на Новой Земле. В этой связи Т.А. Бернштам прежде всего исследовала влияние морских рыбных и звериных промыслов на северную общину, в особенности на мужские артели [Бернштам 1978: 90, 148, 163; 2009: 82–95].